

Проза

Мой «счастливое» детство

История эта начиналась в Ташкенте. Сорок пятый год! Весна! Победа! Всеобщее ликование! И на этом фоне наше жалкое существование.

Моя мать в то время работала на кунжутной фабрике мотальщицей, т. е. пряла из джута верёвки и канаты в кулак толщиной. Но это неважно. Важно то, что она была женой солдата, пропавшего в первые дни войны 1941 года. А у неё на иждивении были её мать и я, её единственный сын. Но, несмотря на все невзгоды, мама была ещё молодой и красивой женщиной и, естественно, привлекала внимание многих мужчин. Я же, семилетний сорванец, должен был в это памятный 45-й пойти в первый раз в первый класс.

А пока была свобода, воля-волюшка! Мать – на работе, бабуля – вся в домашних хлопотах, а я – в постоянных бегах: то на речку, протекавшую рядом с домом, то на базар – любимое место нашей детской «малины». Жизнь моя текла по сценарию военного времени, где и мы играли свои роли, выживая в условиях немыслимой нищеты. И это в Ташкенте – «городе хлебом»! Всё необходимое давали по карточкам – маминым рабочим и двум иждивенческим, моей и бабушкиной. Приходилось простаивать огромные очереди. На карточках были отрывные талоны на хлеб, сахар, крупу и другое, и не дай Бог, их потерять – это было равносильно смерти. Всё, что нам выдавали, было в мизерных дозах, и нам хватало на «один зуб» - как говорится. Кушать хотелось постоянно, и днём, и ночью.

Помню такой эпизод. Жили мы в огромном одноэтажном бараке, где все двери и окна выходили на улицу. Только тонкие перегородки разделяли квартиры. Вот, за такой перегородкой жила семья, очевидно, гораздо благополучнее нашей. Соседи, как соседи, ничем не примечательные. В гости ни они к нам, ни мы к ним не ходили, так что общения не было никакого, но была у них дочурка, моего примерно возраста, также ничем не примечательная. Но вот частенько, когда по утрам родители уходили на работу, она выходила на веранду и как бы демонстративно жевала бутерброд, на котором поверх масла намазан был ещё и слой варенья или повидла. Каково было мне смотреть на эту картину!? Однажды, не выдержав, я подошёл и попросил у неё кусочек этого «чуда», но она даже не посмотрела в мою сторону. Пришлось идти на сделку. Зайдя в дом, я увидел на тумбочке золотые серёжки. А голод брал за глотку и никак не отпускал. Что делать? Брать или не брать? Потом, наверное, будет стыдно, больно, но есть так

хочется сейчас, и даже очень. Я решил сторговаться со счастливой обладательницей бутербродов. Но вначале я ей показал только одну серёжку, на что она отреагировала весьма вяло. Тут гордость и совесть покинули меня совсем, и я показал ей обе серёжки. Она поглядела на «товар» оценивающим цепким взглядом и, ни слова не сказав, удалилась в комнату. Я же стоял и ждал, когда она выйдет, и с чем. Минут через пять она появилась с большим ломтем белого хлеба. А на нём поверх масла возвышался слой душистого варенья! Я расстался с серёжками, она – с бутербродом. Сделка, так сказать, состоялась. Вечером того же дня мать, вернувшись с работы, заметила пропажу и спросила: - Где серёжки?

- Не знаю, не видел, может, ты куда-то положила. Откуда мне знать? – ответил я и густо покраснел. Мать заплакала и больше меня ни о чём не спрашивала. Я же сидел, как пришибленный, и не мог никак сообразить, как выкрутиться из этой ситуации. Где-то, через полчаса, заходит мать той самой соседской девочки

- Это Ваши серёжки?

Мама, с ещё не просохшими от слёз глазами, посмотрела на серёжки, потом – на меня и, очевидно, поняв, что произошло, сказала:

- Да, это мои серёжки. А я, было, подумала, что они пропали.

Соседка рассказала о «сделке» и, отдав серёжки, вышла. Моя мать всё же высказалась:

- Ты хоть знаешь, сколько они стоят? Как же ты мог? – и снова заплакала. Потом, успокоившись, добавила:

- Да, я понимаю твоё состояние, но разве я виновата в том, что ты недоедаешь? Будь она проклята, эта война!

Это происшествие запомнилось мне на всю оставшуюся жизнь! Больше я с этой соседской девулей никогда не общался.

А жизнь катилась дальше своим чередом. На базаре, где мы пропадали целыми днями, нам кое-что перепадало. Мы подрабатывали: то что-нибудь поднесём, то разгрузим, иногда, что греха таить, прихватим, что плохо лежит. Правда, если ловили на воровстве, били долго и больно, но нам, пацанам, попадало меньше, чем взрослым.

Наступило 1 сентября 45-го года, и я пошёл в первый класс. Что говорить, в отличники не вышел. Всё, что говорил учитель, доходило до меня, как сквозь ватную стенку. Единицы и двойки были моими постоянными оценками. Мать, побывав пару раз в школе, убедилась, что я окончательный «дебил», и махнула на меня рукой. Но нет худа без добра. Каким-то чудом, с грехом пополам, я «переполз» во второй класс, и то с условием, что возьмусь

за ум. Правда, я тут же забыл обо всём, как только начались летние каникулы, и пустился «во все тяжкие». Шлялся по задворкам, на речку – ручей около десяти метров в ширину. Однако при моём росте и возрасте это был приличный водоём для плавания. Походы на базар занимали всё наше свободное время, ибо только там мы могли иногда поесть что-то вкусненькое. После обеда, вернее, после базара, мы лазали по сараям и подвалам, рассчитывая найти какой-нибудь клад. Однажды мы забрели на строительство двухэтажного здания с балконами, подъездами и даже с черепичной крышей, показавшегося нам шедевром архитектуры. Хотя в этом доме нас интересовал только чердак, ибо там, по нашему разумению, и могло быть то, что мы искали. На чердак вела железная лестница. Убедившись, что там ничего интересного нет, мы начали спуск. Мои товарищи благополучно спустились, я же, измерив на глаз расстояние до первой ступени и держась за крышку люка, опустил одну ногу, надеясь ощутить опору. Что было дальше, не помню. Очнулся я через трое суток в больнице, где, пролежав день-другой, очухался и сразу начал кататься по лестничным перилам, что доставляло мне огромное удовольствие. Когда мама пришла меня навестить, мой лечащий врач уговорил её побыстрее забрать меня домой, ибо у меня тут были все шансы свернуть себе шею окончательно и бесповоротно.

Но самое замечательное – это то, что я начал соображать значительно лучше и быстрее, чем до падения с чердака. Вот ведь как иногда бывает: был «дурак-дураком» и вдруг стал «хомо сапиенсом», т.е. человеком разумным. Придя во второй класс, я уже не получал плохих оценок, чем немало удивил не только учителей, но и маму.

Тут произошло что-то из ряда вон выходящее. Моя мать привела в наш дом мужчину и объявила нам с бабулей, что это её новый муж и она просит его «любить и жаловать». Если учесть тот факт, что родного отца я видел только на фотографии, то для меня этот новый папаша был не так уж и не приятен. Я был на всё согласен, лишь бы не ограничивали мою свободу. Между прочим, отчим оказался человеком неплохим и покладистым. Он усыновил меня и дал свою фамилию. Никогда не обижал и старался быть со мной и бабулей в дружеских отношениях, что немало способствовало всеобщему взаимопониманию в семье. Наше материальное положение намного улучшилось. Но, как говорится, счастье долгим не бывает. Вскоре родился братишка, и свободного времени у меня поубавилось. Приходилось бегать за молоком, в аптеку и за другими мелочами, нужными малышу.

Но всё это пустяк, по сравнению с тем, что произошло в дальнейшем. Когда ребёнку не исполнилось и года, его отец, мой отчим, умер от рака.

Оказалось, после ранения у него остался осколок в лёгком, что и послужило причиной болезни.

Кратковременному счастью пришёл конец. Мама решила дожидаться, когда я окончу второй класс, и объявила своё решение:

- Мы уезжаем из «райского» Ташкента в Кишинёв, в Молдавию, т. е. на родину.

Шёл 47-й год. Продав за бесценок всё, что можно было продать, и, собрав деньги на билеты, мы в начале июля двинулись в путь. В то время все куда-то ехали. Вокзалы, пересадки, толчея. Мы – с чемоданами и прочим скарбом. На каждой станции кипяток бесплатный, но остальное – за денежки. Короче, после двухнедельных мытарств мы приехали в Кишинёв. Приехать-то мы приехали, но что дальше? Дом, в котором мы жили до войны, был разрушен, в архиве наши документы не сохранились. Мать оставляла меня с бабулей на вокзале, а сама целыми днями бегала по известным ей адресам в поисках знакомых и родственников, чтобы кто-то мог приютить нас хотя бы на некоторое время.

Я тоже не сидел, сложа руки. Намётанным глазом я заметил, что мальчишки примерно моего возраста покупают газеты в киосках оптом, а потом продают их в розницу. Конечно, сердобольные люди, покупая у них «Правду», «Известия», «Гудок», стоившие две-три копейки, как правило, давали на чай кто пять, кто десять, а кто и больше. Как-то, выпросив у бабули рубль, с каковым она довольно тяжко рассталась (ибо не очень-то верила в мои коммерческие способности), я купил кипу газет. Так началась моя трудовая деятельность в возрасте около девяти лет. В первый же «рабочий» день за тот единственный рубль, что занял у бабули, я заработал три полновесных рубля, и, хотя это были не ахти какие деньги, я почувствовал себя мужчиной. Кстати, бабуля, получив обратно свой рубль и увидев моё счастливое лицо, обрадовалась ещё больше, чем я. Когда мама вернулась из похода по Кишиневу с хмурым лицом, я отдал ей мои заработанные два рубля и увидел, как лицо её немного посветлело. Один же рубль я оставил как начальный капитал на завтра.

На следующий день, окрылённый вчерашним успехом, я отоварил свой рубль кипой свежих газет и отправился в путь по вокзалу. Вся моя амуниция состояла из шортиков и рубашки с короткими рукавами, правда, с карманчиком на левой стороне – ближе к сердцу. В этот жаркий июльский день жизнь, казалось, улыбалась мне. Ещё быстрее, чем вчера, я распродал свой товар, купил мороженое и штук пять пирожков с ливером и съел всё с аппетитом. Но вдруг передо мной возникла фигура подростка, лет 14 – 15-и.

- Ну, что ты тут делаешь? – спросил верзила с насмешкой, проведя пальцами по моему карманчику, в котором торчал злополучный трояк

- Я живу на вокзале, - ответил я, - пока мать ищет жильё и работу.

Я посмотрел ему прямо в глаза, ожидая сочувствия.

- Ну, ладно, живи пока, - заметил он и удалился с улыбкой, скорее похожей на издёвку. Сразу почувствовав неладное, я пощупал кармашек и обнаружил пропажу трояка. Тем временем, след верзилы исчез в толпе, да и что я мог сделать, ведь он был старше и сильнее меня. Но зато я получил урок, как не надо хранить свои «сбережения». Правда, оставалась мелочь, около рубля, но мама не получит сегодня моего заработка и останется голодной, если только бабуля ни подкинет чего-нибудь из своего запаса. Я уже подумывал, что надо пришить внутренний карман к шортам – так будет надёжнее – но тут явилась мама и сказала, что мы переезжаем в местечко неподалёку, всего в восьми километрах от Кишинёва. А называется местечко Костюжены, в нём находится психбольница и рядом детский дом, куда она устроилась нянечкой. В дальнейшем она выучилась там же на медсестру. Мы получили жильё и прописку, что давало надежду на будущее. И моё счастливое детство продолжалось уже на той земле, где я родился. Но это уже совсем другая история.

